

Нэнси и Эби

Этим ревущим валам нет дела до королей!
Уильям Шекспир, «Буря»¹

¹ Перевод М. Донского.

АКТ первый

1919–1920

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ГОДА

31 декабря 1919

Дорсет

Кристабель поднимает палку. Та удобно ложится в руку. Она в саду, ждет с остальными домашними, когда отец привезет ее новую мать. Слуги, одетые в форму, согреваются озябшие пальцы дыханием. Грачи без энтузиазма каркают с деревьев, окружающих дом. На дворе последний день декабря, остаток года. День клонится к закату, а по двору, превратившемуся в болото из грязи и старого снега, топает в высоких кожаных сапожках трехлетняя Кристабель — маленький страж в застегнутом на латунные пуговицы зимнем пальто с мечом-палкой в руке.

Она размахивает палкой из стороны в сторону, наслаждаясь свистом — *шух, ш-шух*, как ложкой подбирает кусок грязного снега и подносит ко рту. Снег на языке такой же холодный, как цветы изморози на окне ее чердака, но менее цепкий. Вкус разочаровывающе никакой. Где-то слишком далеко, чтобы волноваться об этом, няня зовет ее по имени. Кристабель отмахивается от звука, единожды моргнув. На окраине сада она замечает жеманящиеся подснежники. *Ш-шух, шух*.

Отец Кристабель Джаспер Сигрейв и его свежеиспеченная жена в это мгновение едут в запряженном лошаадьми экипаже по подъездной дорожке к родовому гнезду Джаспера, Чилкомбу — многокрышному, многотрубному, укутанному плющом поместью с неуклюжей атмосферой

усталого величия. Его силуэт — множество просевших треугольников и пучки высоких труб; так он ежился на нависающем над океаном лесистом утесе четыре столетия, щурясь освинцованными окнами против морских ветров и исторического прогресса, всем своим видом выражая постепенный упадок.

Прислуга Чилкомба уверяет, что сегодня особенный день, но Кристabelle находит его скучным. Слишком много ожидания. Слишком много опрятности. О таком дне не расскажешь достойную историю. Кристabelle любит истории с мушкетонами и собаками, а не с женами и ожиданием. *Ш-шух*. Собирая последние подснежники, она слышит костяной хруст гравия под колесами.

Ее отец первым выбирается из экипажа — круглый и довольный, как выскочившая из стручка фасолина. Затем появляется нога в застегнутом на пуговицы сапожке, а следом — бархатная шляпа, из-под приподнятых полей которой ее хозяйка взирает на дом. Кристabelle изучает обрамленное бакенбардами лицо отца. Он тоже смотрит вверх, на молодую женщину в шляпе, которая, все еще замерев на ступеньке экипажа, кажется много выше его.

Кристabelle топает к ним по снегу. Она почти у цели, когда ее с шипением хватает няня:

— Что это у тебя в руках? Где твои перчатки?

Джаспер оборачивается.

— Почему ребенок весь в грязи?

Ребенок в грязи не обращает на отца внимания. Он ей не интересен. Сердитый, рассерженный человек. Вместо этого она приближается к новой матери, протягивая пригоршню грязи и лепестков подснежника. Но новая мать умеет принимать неуклюжие подарки — она в конце концов согласилась на бурное предложение Джаспера Сигрейва, круглого вдовца с хромотой и неусмиримой бородой.

— Для меня, — говорит новая мать, и в словах ее нет тени вопроса. — Как свежо.

Она спускается из экипажа и улыбается, а рука ее плывет по воздуху, пока не устраивается на голове Кристabelle, будто та для этого и предназначена. Помимо бархатной шляпы, новая мать укутана в шерстяной костюм для путешествий и норковую накидку.

Джаспер поворачивается к прислуге и объявляет:

— Позвольте представить мою новую жену, миссис Розалинду Сигрейв.

Раздаются аплодисменты.

Кристabelle кажется странным, что новую мать зовут Сигрейв, как и ее. Она смотрит на грязь в своей руке, а затем переворачивает ее, позволяя комку шлепнуться на сапоги новой матери, чтобы посмотреть, что случится.

Розалинда отходит от угрюмой девочки. Дитя без матери, напоминает она себе, растет без женского воспитания. Она размышляет мельком, что стоило бы привезти лент для спутанных черных волос или черепаховый гребень, но тут к ней подходит Джаспер и ведет к дверям.

— Наконец привез тебя сюда, — говорит он. — Чилкомб не в лучшем состоянии. Раньше у входа были роскошные кованые ворота.

Пересекая порог, он говорит о сегодняшнем праздновании. Жители деревни рады ее прибытию, за домом возвели шатер, к вечеру запекут свинью, и все будут кружками с элем провозглашать тосты за их брак. Затем он подмигивает, пыжась в твидовом костюме, а она гадает, что он имеет в виду этим прикрытием одного глаза, этой постановочной гримасой.

Розалинда Сигрейв, урожденная Эллиот, двадцати трех лет, описанная в апрельском выпуске «Татлера» за 1914 год как «собранная лондонская дебютантка», проходит сквозь каменную прихожую Чилкомба в отделанную деревянны-

ми панелями комнату, что возносится вверх, как средневековый рыцарский зал. Это полая воронка, тускло освещенная дрожащим пламенем свечей в латунных настенных рожках, а в воздухе стоит затхлость пустой часовни, затерянной в стороне от дороги.

Странное чувство — входить в чужой дом, зная, что в нем твое будущее. Розалинда оглядывается, пытаясь осмотреть его до того, как он заметит ее. В задней части зала камин: большой, каменный и незажженный. Над ним висят скрещенные мечи. Мебели немного, и та, вопреки надеждам, не кажется ей привлекательной. Резной дубовый сундук с железными скобами. Доспехи с копьем в металлической руке. Напольные часы, линияющая рождественская ель и рояль, украшенный вазой с лилиями.

Она знает, что рояль — свадебный подарок от мужа, но он стоит в стороне, под чучелом оленьей головы. Со стен вокруг топорщатся головы других животных — львов и антилоп со стеклянными глазами, свисают гобелены с профилями людей, размахивающих стрелами. Синий на гобеленах выцветает последним, и когда-то бодрые изображения битв превратились в траурные подводные сцены.

Справа от камина изогнутая деревянная лестница ведет на верхние этажи дома, тогда как по обе стороны от нее истертые персидские ковры ведут сквозь арки в темные комнаты, которые ведут к другим проходам в темные комнаты, и так далее, до бесконечности. Она делает шаг вперед, и каблук сапога задевает за ковер. На время приемов ковры придется убирать, думает она.

Джаспер появляется рядом. Он разговаривает с дворецким.

— Скажи-ка, Блайз, мой заблудший братец приехал? Не удостоил нас своим появлением на свадьбе.

Дворецкий едва заметно качает головой, потому что так Чилкомбом и управляют — жестами настолько знакомы-

ми и истершимися, что они стали отсутствием жестов — ощущением, что чего-то не хватает, отпечатком окаменелости, оставшейся на камне.

Джаспер фыркает, обращается к жене:

— Горничные проводят тебя в твою комнату.

Розалинду ведут по лестнице мимо вереницы картин мужчин в воротниках, ради запечатления на портретах замерших во время охоты и уместивших утянутые в чулки ноги на еще теплые тела кабанов.

Кристалбель следит из угла. Она устроилась за деревянной стойкой для зонтов в виде индийского мальчика — его протянутые руки образуют кольцо, в котором оставляют зонты, стеки и трости отца. Она ждет, когда новая мать пропадет из виду, а затем бежит к задней лестнице, спрятанной от глаз за основной. Та ведет вниз, в царство слуг: кухню, судомойку, кладовки и подвалы. Здесь, в корнях дома, она может спрятаться и изучить свои новые сокровища: палку и полумесяцы грязи под ногтями.

В этот день под лестницей шумно, а выложенная плиткой кухня кипит. Слуги радуются вечерним празднованиям, переживают о свадебном приеме, делятся слухами о новой жене. Кристалбель заползает под кухонный стол и прислушивается. Вспышками молний сознание освещают интересные вещи: любимые слова вроде «лошади» или «пудинга»; голоса, которые она узнает среди гама.

Ее внимание привлекает Моды Киткат, самая молодая горничная:

— Возможно, у мисс Кристалбель скоро появится братик.

Кристалбель не видела, чтобы из экипажа выходил братик, но, возможно, он приедет позже. Она будет ему очень рада. Играть и драться.

Она радуется и горничной Моды Киткат. Они обе спят на чердаке и вместе учат буквы. Кристалбель часто про-

сит Моды написать имена знакомых ей людей на конденсате чердачных окон, и Моды слушается, со скрипом выводя пальцем слова — М-О-Д-И, С-О-Б-А-К-А, Н-Я-Н-Я, П-О-В-А-Р-И-Х-А, чтобы Кристабель могла собственным пальчиком повторить их путь или стереть, если они ей не нравятся. Иногда по ночам, если Кристабель видит сон из тех, что заставляют кричать, Моды приходит навестить ее, гладит по голове и говорит: ш-ш-ш, малышка, ш-ш-ш, не плачь.

В кухне Повариха говорит:

— Наследник поместья, а? Будем надеяться, у Джаспера Сигрейва еще остался порох.

Следует взрыв смеха. Мужской голос кричит:

— Если у него не выйдет, я возьмусь попробовать!

Еще смех, грохот, что-то падает. Рев слуг от этого непонятого диалога грохочущей волной накрывает Кристабель. Она решает писать буквы палкой, обводит круг в муке на выложенном каменными плитами полу, круг за кругом. О. О. О. О. Ей редко удается провести время вдали от докучливой няни, поэтому нельзя его терять. О. О. О.

О значит «ох». О значит «охнетКристабельчтотыопятьнатворила».

Наверху на первом этаже Розалинда сидит у туалетного столика в своей новой спальне — хотя ее едва ли можно назвать новой, настолько все в ней кажется древним. Это комната с агрессивно-скрипучими полами и хрупкой мебелью из красного дерева, освещенная закопченными масляными лампами: коллекция предметов, что не выносят прикосновений. Она слышит доносящийся откуда-то смех и чувствует, как на плечи опускается напряжение. За спиной стоит горничная, расчесывая чернильно-темные волосы Розалинды, а другая распаковывает ее чемоданы, аккуратно достает нижнее белье, сложенное в надушенные атласные подушечки. Розалинда чувствует, как ее изуча-

ют, оценивают. Она жалеет, что не может сама распаковать собственный багаж.

Розалинда ловит свое отражение в зеркале туалетного столика, берет себя в руки. У нее бойкое лицо любимого ребенка. Широкие глаза, вздернутый нос. К ним прилагается самовыученная привычка складывать руки под подбородком, будто ее обрадовали неожиданными подарками. Так она сейчас и делает.

Она справилась, несмотря ни на что; она должна в это верить. В Лондоне ходили неприятные слухи. Намеки на неразумные связи. Предположения, что она испортила свои шансы, переборщив с ухажерами. Но все те мужчины позади. Один за другим все очаровательные мальчишки, с которыми она танцевала, гуляла и ужинала, пропали. Сперва это было ужасно, затем стало привычно — что было хуже, чем ужасно, но не так утомительно. Через некоторое время это стало обыденностью. Махая, они уезжали на поездах и сходили в землю в местах с чуждыми именами, что со временем стали привычными: Ипр, Аррас, Сомма.

Годы войны стали болезненно монотонным временем, которое Розалинда провела, сидя в жестком кресле, пытаясь закончить вышивку, пока мать озвучивала имена подходящих молодых людей, которых «Таймс» помещал в списки погибших или пропавших без вести. В газетах писали о «лишних женщинах» — миллионах старых дев, которые никогда не выйдут замуж из-за недостатка подходящих мужей. Розалинда вырезала из журналов изображения молодых жен из общества и клеивала в альбом счастливых беглянок. Она боялась, что превратится в зятянутый в черное реликт, как собственная мать-вдова: одинокая женщина, суемящаяся над чашечками и маленькими собачками с обезьяньими мордочками, попавшая в ловушку корзиночек с вязанием и капризных скамеечек для ног.

Даже когда кончилась Великая война, праздновать было не с кем. Те немногие приемлемые мужчины, что все-таки